

«Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990—2010 гг.

Юлия Николаевна Ковалевская,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института Истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: tupa67@mail.ru

Целью статьи является анализ конкретного содержания и региональной специфики деиндустриализации на Дальнем Востоке России в первое постсоветское двадцатилетие. Концепт «ржавый пояс» позволяет использовать возможности компаративистики, чтобы по-новому взглянуть на дальневосточный трансформационный кризис. За исключением сравнительно низкой стартовой базы, деиндустриализация Дальневосточного федерального округа (ДФО) в 1990—2010 гг. соответствует всем основным критериям, известным на примере «ржавого пояса» США и старопромышленных районов Европы, и её параметры находятся в том же количественном диапазоне. Объём промышленного производства в ДФО достиг низшей точки в 1998 г. — 43,3%, и даже в докризисный 2008 г. составлял всего 66,6% от уровня 1990 г. Доля обрабатывающей промышленности в ВРП за этот же период сократилась более чем в 2,5 раза и составила всего 5,6%. Безработица и ухудшение условий жизни породили массовый отток населения: ДФО в целом потерял 22,1% жителей, от 13% в Приморском крае до 68% в Чукотском АО. «Сжатие» затронуло 90% дальневосточных городов, из которых уехали от 5 до 50% проживавших там людей. Затруднительность выезда с Дальнего Востока, учитывая высокие транспортные издержки и разницу в ценах на жильё, способствовала концентрации во многих городах беднеющего и социально незащищённого населения, деградации городской среды — т.е. геттоизации поселений.

Ключевые слова: Дальний Восток России, деиндустриализация, «ржавый пояс», «убывающие города», геттоизация.

**The “Rust Belt” of the Far East of Russia:
Specifics of the Deindustrialization in 1990—2010.**

Yuliya Kovalevskaya, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tupa67@mail.ru.

The purpose of the article is to analyze the content and regional specifics of the deindustrialization in the Russian Far East in the first twenty post-Soviet years. The concept of the “rust belt” allows using the possibilities of comparative

studies to take a fresh look at the Far Eastern transformation crisis. Except the relatively low starting base, the deindustrialization of the Far Eastern Federal District in 1990—2010 meets all main criteria known for the US “rust belt” and “old industrial areas” of Europe, and its parameters are in the same quantitative range. The volume of industrial production in the Far Eastern Federal District reached its lowest point in 1998 — 43.3%, and even in the pre-crisis 2008 it was only 66.6% of the level in 1990. The share of manufacturing in GRP decreased by more than 2.5 times and amounted to only 5.6% over the same period. Unemployment and worsening living conditions created a massive outflow of the population. On the whole, the Far Eastern Federal District lost 22.1% of the population, from 13% in the Primorsky Region to 68% in the Chukotka Autonomous Region. “Compression” affected 90% of the Far Eastern cities where 5% to 50% of citizens left. The difficulty of leaving the Far East, given the high transport costs and the difference in the price of housing, contributed to the concentration of a poor and socially unprotected population in the cities, degradation of the urban environment, that is, ghettoization of settlements.

Keywords: Far East of Russia, deindustrialization, “rust belt”, “shrinking cities”, ghettoization.

Взадачи данного исследования входит: определить качественные критерии и количественные параметры, позволяющие отнести регион к «ржавому поясу»; выявить экономические и социально-политические факторы формирования «ржавого пояса»; показать специфику деиндустриализации в России по сравнению с Европой, США и пограничными провинциями КНР (Хэйлуцзян и Ляонин), а также специфику указанного процесса в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) по сравнению с Центральным федеральным округом (ЦФО) и Уральским федеральным округом (УФО).

Концептуальной рамкой исследования выбрана историческая аналогия со старопромышленными районами Европы и «ржавым поясом» в США, где на локальной территории были сконцентрированы все проблемы, связанные с деиндустриализацией. Такой подход позволяет сравнить возникающие трудности и выявить специфику деиндустриализации Дальнего Востока в межрегиональном и межстрановом контекстах.

Старопромышленным районом называют территорию с высокой концентрацией технологически устаревших промышленных производств, где формируются специфические социальные условия: безработица, застойная бедность, деградация социокультурной среды. В Европе самые старые, крупные и депрессивные районы возникли на базе каменноугольных бассейнов, сталелитейного производства, «грязной химии», а также текстильной промышленности. К старопромышленным районам относятся: Ланкашир, Йоркшир, западный Мидленд, Южный Уэльс в Великобритании; Северный район, Эльзас и Лотарингия во Франции; Нижнерейнско-Рурская агломерации и Саар в Германии; Северная Испания; Верхне-Силезский регион в Польше; Острава в Чехии. В большинстве из этих районов негативные

последствия деиндустриализации преодолеваются благодаря региональной политике, предусматривающей экономическую реконструкцию, экологические и культурные программы [5, с. 26; 23, с. 54].

В США переход к постиндустриальному обществу сопровождался значительными изменениями в структуре экономики и занятости. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП страны в 1950—2015 гг. сократилась с 28 до 12,1%, а занятость в соответствующих отраслях — с 40,7% всех занятых (19,4 млн чел.) в 1979 г. до 8,6% (12,3 млн чел.) в 2015 г. [17, с. 102]. Вследствие деиндустриализации исторический индустриальный центр США на Среднем Западе и северо-востоке страны приобрёл название «ржавый пояс» («rust belt») [24; 25].

Рассматриваемый процесс стал причиной экономического упадка и депопуляции многих городов. Это явление обозначается термином «сжимающиеся города» («shrinking cities»), характеризующим длительные существенные потери населения и рабочих мест, в результате чего размеры городского пространства значительно превышают потребности его настоящего и будущего поколений. В таких городах, как Буффало, Кливленд, Детройт, Питтсбург и Сент-Луис, численность населения уменьшилась более чем в 2 раза, в Балтиморе и Филадельфии — почти на треть [21, с. 112]. Особенно пострадали моногорода или районы с кластером взаимосвязанных производств: «столица стульев» Леминстер (шт. Массачусетс), «скобяной» Нью-Хейвен и «часовой» Уотербери (оба в шт. Коннектикут), «перчаточный» Гловерсвилл (шт. Нью-Йорк), «гончарный» Трентон в Нью-Джерси, «автомобильный» Детройт и «стальной» Питтсбург [20, с. 352].

Деиндустриализация заметно увеличила местный уровень безработицы, породила застойную бедность, особенно среди людей старшего возраста, имеющих недостаточно компетенций и возможностей для перехода в другие сферы занятости. Растущий сектор услуг был не способен компенсировать потери в уровне благосостояния, так как в США средняя зарплата в указанной сфере на 30% ниже, чем в промышленности [17, с. 105].

Вследствие деиндустриализации города «ржавого пояса» стали похожи на гетто: например, в Детройте находится более 90 тыс. заброшенных зданий. И.Н. Алов отмечает, что качество жизни в «ржавом поясе» на сегодняшний день столь плачевно, что в сравнении с ним даже беднейшие города Юга (Норт-Чарлстон или Мобил) значительно привлекательнее для граждан, особенно белого населения [2, с. 76]. Длительность и тяжёлые социальные последствия деиндустриализации в США объясняются, помимо прочего, отсутствием в стране специальной региональной политики.

На примере старопромышленных районов Европы и «ржавого пояса» США можно выявить основные критерии глубокой деиндустриализации. Сравнение количественных параметров каждого из указанных критериев позволяет определить специфику данного процесса в разных регионах.

Критерии деиндустриализации можно разделить на экономические и социальные. К *экономическим критериям* относятся: потеря высоких базовых позиций (концентрации производства и населения выше средней);

снижение доли промышленности (особенно обрабатывающей) в ВВП (ВРП); уменьшение доли занятых в промышленности (преимущественно — в обрабатывающих производствах) среди общего числа работников.

Социальные критерии «ржавого пояса»: «убывающие города», депопуляция региона (в США имеет специфическую форму «white flight» — «бегство белых»); рост безработицы, бедности, преступности, геттоизация городской среды (в США это касается преимущественно центра города — «inner city» — из-за бегства богатого населения в пригород).

«Ржавый пояс» в КНР на границе с РФ. Деиндустриализация не является специфическим феноменом Запада. В Китае существует свой старопромышленный район, или «ржавый пояс», на границе с Россией, в северо-восточных провинциях Хэйлуцзян и Ляонин с населением 38 млн и 44 млн чел. соответственно. Для пров. Хэйлуцзян характерно большое количество «угольных» моногородов, экономика которых переживает глубокий кризис. В ближайшие годы число уволенных шахтёров может достигнуть 6 млн [7].

Необходимо отметить, что для российских исследователей особый интерес представляет сравнение отношения властей КНР и РФ к нерентабельным предприятиям угольной промышленности. В Китае успешные реформы идут с 1980-х гг., удалось поднять из бедности более 400 млн чел., но до реструктуризации «ржавого пояса» Северо-Востока очередь дошла только сейчас, через 40 лет. Постепенно приватизируются госпредприятия, идёт санация госсектора, поощряется развитие частного бизнеса, переподготавливаются кадры и стимулируется их мобильность для снижения безработицы [6].

В России (в частности — на Дальнем Востоке) по рекомендациям Международного валютного фонда реструктуризация угольной отрасли была проведена в 1990-е гг. менее чем за 5 лет. При этом «были высвобождены» (т.е., по сути, остались без работы) 780 тыс. чел. [10], шахтёрские моногорода и посёлки надолго превратились в депрессивные.

«Ржавый пояс» в России: масштабы деиндустриализации. Трансформационный кризис в РФ достиг низшей точки в 1998 г., когда ВВП составил 57,5% от уровня 1990 г. Объём производства в легальном секторе снизился более чем в два раза. В 1998 г. промышленность произвела только 46,2% от объёма 1990 г. Сокращение выпуска промышленной продукции по 10 важнейшим отраслям составило в 1991—1998 гг. 61,2%. В числе наиболее пострадавших оказались машиностроительный и военно-промышленный комплексы (ВПК). За период 1992—1996 гг. спад производства в оборонном машиностроении составил около 70%, в гражданском — более 40% [4, с. 88].

Многие крупные промышленные предприятия РСФСР при приватизации были разделены на 5—6 частей со значительным сокращением рабочих мест. В 1990—1997 гг. число российских предприятий выросло с 26,9 тыс. до 159 тыс., а число занятых при этом уменьшилось с 23,1 млн до 14,0 млн чел., или на 40% [9, с. 348]. Сокращение занятых

в промышленности привело к убыли городского населения и «сжатию городов», которое, в свою очередь, требует адаптации пространственной структуры, жилищного фонда, мощности и характера расположения сети объектов инженерной инфраструктуры, школ и больниц [4, с. 87].

В 1990-е гг. доля убывающих городов в России (с населением больше 15 тыс. чел.) составила 56%, на Дальнем Востоке — более 90%. Причём в Европейской России сжатие касалось преимущественно городов старопромышленных районов северо-восточной и южной части Центральной России, горнозаводского Урала. А на Севере, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1990-е гг. этот процесс происходил в районах нового освоения [4, с. 87].

В наиболее трудном положении оказались периферийные малые (до 15 тыс. населения) города и районные центры с монопрофильной специализацией (особенно горнорудной, угольной, текстильной, лесной и целлюлозно-бумажной). В Российской Федерации на 2010 г. насчитывалось 400 монопрофильных городов, которые до реформы давали 40% ВВП и в которых проживало 25 млн чел., т.е. 17,6% населения страны [4, с. 88].

Высвобождаемая рабочая сила из промышленности перетекала в сектора со сравнительно низкой зарплатой. В стагнирующих отраслях производства, бюджетной сфере, сфере услуг сформировались хронические очаги бедности: более 65% занятых в здравоохранении, образовании и культуре получали зарплату ниже уровня прожиточного минимума [9, с. 77].

Различные регионы России имели разные сценарии деиндустриализации. Рассмотрим основные параметры этого процесса в ЦФО — самом многолюдном и развитом, «столичном» регионе РФ, в наибольшей степени обладающем преимуществом близости к Московской агломерации, и в УФО — центре «старопромышленной» индустриализации, потенциально имеющем преимущество научно-промышленного кластера, чтобы сравнить их с ДФО.

«Ржавый пояс» в ЦФО представляет собой 8 из 18 субъектов РФ, расположенных в виде линии, ведущей от Воронежской области (наиболее пострадавшей от деиндустриализации) к Орловской, Брянской, Смоленской, Тверской и заканчивающейся Владимирской, Ивановской, Костромской областями. В 1990—1998 гг. объём промышленного производства в этих субъектах сократился не менее чем на 60%, причём в самой неблагополучной Ивановской области — на 78%, население при этом убыло на 16—18%, до половины жителей только прописаны в области, но уезжают на заработки в Москву и другие места. В 2010 г., когда ВВП России в среднем достиг 70% от уровня 1990 г., в «ржавом поясе» ЦФО он не превысил 50% [15, с. 64].

Не отрицая объективных экономических причин деиндустриализации (мировой конъюнктуры, технологической устарелости многих предприятий и т.д.), Д.Н. Нечаев и Е.С. Селиванова подчёркивают значение институциональных и субъективных факторов возникновения этого негативного процесса.

Общий (мировой) контекст деиндустриализации в 1990-х гг. характеризовался трендом на сокращение прибыльности «реального сектора» экономики в сравнении с торговым и финансовым секторами. В России этот тренд принял гротескные формы, учитывая переходный характер экономики и общую неуверенность всех участников рынка в завтрашнем дне, крайне короткий горизонт планирования, а также регулярное перераспределение активов с помощью административного и силового ресурса.

В стране в рамках «шоковой терапии» осуществлялись невнятная государственная промышленная (отраслевая) политика, неэффективное кураторство промышленного комплекса органами власти и управления субъектов РФ, наблюдалось отсутствие системных и гибких мер государственной поддержки (федеральной, региональной, местной) промышленных предприятий. В 1990—2010 гг. институты развития и инструменты поддержки в регионах практически не функционировали [15, с. 75].

Значительный процент потерь советских промышленных предприятий в ЦФО в высокотехнологичных отраслях определялся тем, что собственникам были выгодны либо быстрая продажа активов и земли, находящихся под промышленными производствами, либо сдача помещений в аренду. Практиковались также банкротство с целью вывода активов в оффшоры, «оптимизация» налогообложения, уход в теневую экономику и «серые схемы» ведения бизнеса [15, с. 77].

УФО. Данный федеральный округ является старопромышленным регионом (кластером), обладающим также крупными городскими агломерациями, в которых проживает 73% населения. Повышенную значимость в городах имели предприятия общегосударственного значения, в том числе обеспечивающие безопасность страны (ВПК). На Урале исторически сложилась мощная научно-конструкторская база, здесь сформировались крупные научные школы в металлургии, геологии и геофизике, биологии и генетике, во всех сферах ядерной физики, химии, в электрофизике, нано- и биотехнологиях.

В 1990-е гг. УФО пережил масштабный кризис, в 2010 г. объём промышленного производства региона составлял лишь 71,8% от уровня 1990 г. Нижней точкой сокращения был 1998 г. — 33,8% от показателей 1990 г. [9, с. 64].

В округе предпринимались попытки использовать наличие индустриальных кластеров и крупных городских агломераций для технологического обновления промышленности и ускорения экономического роста, как это было, например, в Индии, где инновационный компьютерный технополис Бангалора возник на базе бывшего машиностроительного анклава, с квалифицированной рабочей силой, инженерными кадрами, технологиями и инфраструктурой. Однако инновационные кластеры в УФО создать не удалось. По мнению Н.Б. Зубаревич, «на постсоветском пространстве ни у кого кластерной политики не получилось, потому что всё идёт по бюрократической схеме: „придумать из головы, разработать планы, профинансировать и построить“, а кластеры так не возникают. Они растут снизу,

от взаимодействия бизнеса, от человеческих обменов знаниями и опытом. Поэтому вместо кластеров получаются „потёмкинские деревни“» [6].

ДФО: экономические параметры. Реформы 1990-х гг. привели дальневосточную экономику и особенно промышленность в состояние глубокого кризиса: к уровню 1970-х гг. Причём пострадали все региональные отрасли специализации, как в обрабатывающей, так и в добывающей промышленности. Даже в докризисном 2008 г. ВРП составлял менее 60% от уровня 1990 г., а в низшей точке — в 1998 г. — менее 45%. Объём промышленного производства в 1997 г. сократился на 58,8%, инвестиции в основной капитал уменьшились более чем на 70%, рост потребительских цен составил почти 11 000% (669 раз) [13, с. 90].

В структуре дальневосточной экономики сократилась доля высокотехнологичных отраслей — военной, химической, машиностроения и приборостроения. Резкое сокращение военного заказа в 1990-е гг. привело к спаду производства на 70% и более, а иногда и к полному уничтожению предприятий ВПК [11, с. 59].

Структура экономики в 1990—2010 гг. изменилась в сторону преобладания сырьевых отраслей, ориентированных на экспорт, — добычи нефти, газа, цветных металлов, рыбы и древесины. Доля обрабатывающей промышленности сократилась более чем в 2,5 раза. В валовой прибыли и смешанном доходе ДФО за 1990—2005 гг. ресурсные отрасли давали 28,5%, обрабатывающая промышленность — 9,1%, остальные отрасли (транспорт, торговля, услуги) — 62,3% [14, с. 75].

Среди обрабатывающих производств аутсайдерами ДФО в 2010 г. стали производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования — 2,1%; химическое производство — 1,7%; производство машин и оборудования — 3,9%, а лидирующую позицию стало занимать производство пищевых продуктов (преимущественно рыбы), на долю которого приходилось около 30% от общего объёма продукции обрабатывающей отрасли. Среди федеральных округов у ДФО самая высокая степень износа основных фондов промышленных предприятий. В 2010 г. он составил в добывающих производствах 23,7%, обрабатывающих — 36%, в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды — 35,3% [8, с. 29].

В результате постсоветской трансформации Дальний Восток занял парадоксальное положение среди других российских регионов. В ДФО есть субъекты федерации, в которых ВРП на душу населения значительно выше среднего по РФ, есть те, у которых он на среднем уровне, и те, которые производят продукции на душу населения меньше других. Но все они, независимо от вклада в ВВП страны, находятся ниже или значительно ниже среднероссийских показателей качества жизни своих граждан [12, с. 479].

О.В. Кузнецова относит Приморский, Хабаровский края, Амурскую область, Еврейскую АО к субъектам РФ с пониженной ролью производственного сектора (менее 60%) и с повышенной ролью транспорта (более 25%),

с уровнем социально-экономического развития ниже и заметно ниже среднего. Эту позицию они делят с Архангельской, Брянской областями, Краснодарским, Забайкальским краями, Республикой Бурятия.

Камчатский край относится к субъектам РФ со средней ролью производственного сектора (60—75%), преимущественно с доминированием АПК и/или машиностроения¹, с уровнем социально-экономического развития заметно ниже среднего (как и республики Адыгея, Марий Эл, Мордовия, Чувашская, Карачаево-Черкесская, а также Псковская, Воронежская, Ивановская, Костромская, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ростовская, Кировская, Пензенская, Саратовская, Ульяновская, Курганская области, Алтайский, Ставропольский края).

Чукотский АО, Республика Саха (Якутия), Магаданская, Сахалинская области являются субъектами РФ с повышенной ролью производственного сектора (более 75%), северными сырьевыми узкоспециализированными регионами с *формально* максимальным уровнем социально-экономического развития (как и Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Республика Коми, Кемеровская, Омская области) [12, с. 480].

Узкая специализация на нефтегазовом комплексе и добыче минерального сырья выводит часть регионов ДФО в формальные лидеры по уровню развития экономики (Якутия, Магаданская и Сахалинская области). Вместе с тем ни один из регионов Дальнего Востока не обладает диверсифицированной экономикой, ведущие позиции по данному показателю занимают Ленинградская и Костромская области (не менее 6 видов специализации, около 10% ВРП в каждой) [12, с. 481]. Кроме того, любой, кто лично был в Сахалинской или Магаданской области, мог убедиться, что формально высокие экономические показатели и реальное качество жизни местных жителей никак не коррелируют между собой.

В период трансформационного кризиса (1992—1999) численность занятых в экономике ДФО снизилась на 518,7 тыс. чел., максимальная официально зафиксированная безработица пришлось на 1999 г. и составила в среднем 15,3% экономически активного населения, но реальная безработица, особенно на периферии и в моногородах, была гораздо выше [16, с. 70]. Деиндустриализация и сокращение занятости затронули важнейшие отрасли специализации Дальнего Востока — ВПК, горнорудную, лесную, рыбную.

Закрытие предприятий ВПК и резкое снижение заказов «оборонки» стали причиной ощутимого ухудшения материального положения населения, особенно в моногородах и ЗАТО. Зарплата не только обесценивалась из-за роста цен и инфляции, но и месяцами не выдавалась. Например, в 1992—1994 гг. на заводах «Восток» и «Звезда» (г. Большой Камень Приморского края) по полгода без каких-либо денежных выплат оставались

¹ В Камчатском крае машиностроения нет, 40% отгруженной продукции составляет рыба. Ивановская область специализируется на текстильной промышленности (более 30% ВРП). Остальные участники этой группы — депрессивные индустриальные регионы.

7 тыс. работников. В 1996—1997 гг. долг по зарплате «корабелам» Приморья составил 26 млрд руб., перед работниками завода «Прогресс» — 50 млрд руб. [11, с. 59].

На 1990 г. 12% экономически активного населения Дальнего Востока было занято в лесопромышленном комплексе, который обеспечивал 10% товарной продукции промышленности региона. В 1998 г. объём лесопромышленного производства снизился до 23,2% к уровню 1990 г. За 1990—1998 гг. объём вывозки древесины уменьшился в 3,5 раза, было ликвидировано производство фанеры, целлюлозы; производство картона сократилось в 40 раз, ДСП — в 38 раз, пиломатериалов — в 11 раз, ДВП — в 9 раз [3, с. 89]. А.Е. Савченко отмечает, что лесная отрасль была и остаётся наиболее криминогенной в сфере экспортных операций, там вплоть до сегодняшнего дня теневые потоки составляют 70—80% от оборота [19, с. 23].

Среди отраслей специализации ДФО важное место принадлежит рыбной промышленности. В 1980-х гг. на её долю приходилось около 52% всей товарной продукции региона, среднегодовой улов составлял 73% от общесоюзного — 6,2 млн т, численность работающих в рыбной отрасли дальневосточников в 1986 г. превысила 210 тыс. чел. [18, с. 49].

За 1989—1991 гг. официальный объём вылова по дальневосточному бассейну упал до 1 млн т. Это вместе с сокращением флота вызвало рост безработицы среди рыбаков. Уже к 1992 г. численность занятых в рыбном хозяйстве уменьшилась в 1,7 раза, производство консервов сократилось более чем на 70%, большинство рыбоконсервных заводов закрылось. В дальнейшем спад производства, сокращение численности работников и зарплат в рыбной отрасли продолжались до 2004 г. [18, с. 57].

Значительная доля рыбы стала добываться нелегально и отправляться на экспорт, что видно из сравнения российской и иностранной статистики. За 1994 г. эта разница составила 737,3 млн долл. только на японском направлении. Укрепление властной вертикали в 2006—2010 гг. не изменило данной тенденции: разница в оценке экспорта в Японию остаётся в пределах 800 млн — 1,2 млрд долл., в Южную Корею — примерно на 300 млн долл. Несмотря на высокие доходы от нелегального экспорта, рыболовный флот продолжает устаревать, местные судоремонтные заводы становятся банкротами и безнадёжно отстают технологически, зарплата рыбаков и условия труда ухудшаются, социальная среда мест их проживания деградирует [19, с. 24].

Депопуляция и «сжатие городов». ДФО является одним из наиболее урбанизированных округов в России, доля городского населения составляет 75,6% (в РФ — 74,1%). Доля городского населения Магаданской и Сахалинской областей — 95,5 и 81,6% соответственно [1, с. 20].

С 1990-х гг. 90% дальневосточных городов стали «сжимающимися». Самые значительные потери при сокращении численности городских жителей в 1990—2015 гг. понесли населённые пункты северных субъектов ДФО (58,9% общих потерь численности горожан округа). Магадан (164 тыс. чел.) в 1990—2010 гг. потерял 38% жителей, Северо-Курильск — более 50%.

За тот же период население Петропавловска-Камчатского (268,7 тыс. чел.) сократилось на 34%, Комсомольска-на-Амуре (319,3 тыс. чел.) — на 20%, Биробиджана (83,6 тыс. чел.) — на 10%, Владивостока (648 тыс. чел.) — на 9%, Хабаровска (616 тыс. чел.) — на 7%, Находки (162 тыс. чел.) — на 5% [1, с. 21]. Малые города Дальнего Востока (в том числе районные центры) потеряли значительное количество проживавших, часть превратилась в посёлки, а некоторые совсем перестали существовать.

Отток населения является важнейшим результатом превращения региона в «ржавый пояс» и разновидностью «реакции ухода», которую Г.А. Явлинский и А.В. Космынин считают самым серьёзным социальным следствием политики государства постсоветского двадцатилетия. Активация такой схемы — это ответ на шоковый характер реформ, авторитаризм и равнодушие власти [22, с. 4].

Геттоизация. Главные признаки гетто — принудительный характер проживания в нём и концентрация населения по дискриминирующему признаку [2]. «Принудительность» не обязательно носит юридический характер (в том числе насильственный), в современных гетто она чаще вызвана экономическими (сравнительная дешевизна жилья) и культурными причинами. В прошлом основным дискриминирующим признаком для помещения в гетто была религиозная или этническая принадлежность (еврейское, негритянское гетто), но не только она. Так, лепрозорий представлял собой гетто по медицинскому признаку, спецпоселение «раскулаченных» — по классовому.

В 1990-е гг. в РФ начали формироваться гетто, населённые людьми, дискриминируемыми по признаку «проигравшие от рыночных реформ». В Европейской России признаками гетто обладают индустриальные окраины городов, например Бирюлёво или Капотня в Москве, а также депрессивные города в целом — допустим, г. Иваново.

Учитывая трудность отъезда с Дальнего Востока из-за огромных затрат на переезд и разницу в стоимости жилья, можно говорить о геттоизации дальневосточных поселений. На дальневосточной периферии этот процесс активно происходил в городах, потерявших градообразующие предприятия. Они обладают всеми признаками гетто: множеством полупустых домов с брошенными квартирами, депрессивностью социокультурной среды, высоким уровнем преступности и суицидов, формированием «культуры бедности», стигматизированной идентичностью, своеобразной эстетикой упадка. Сформировался даже определённый общественный консенсус по поводу постсоветских гетто².

Гетто в России складываются не по северо-американскому (США) типу, а как в развивающихся странах. В Соединённых Штатах «бегство белых» из депрессивных городов в пригород приводит к опустению центра

² На запрос «российские гетто» поисковая система Google выдаёт 3 млн результатов. См., например, проект «Уходящее Приморье»: <https://primamedia.ru/projects/392/>; «Сиротские гетто»: расселять нельзя изолировать. 03.12.2019: <https://tayga.info/150539?fbclid=IwAR2YPRuN26TLwTWZrrKJl0n-7g63DLLph1CICGgcjWsO03iObfkHagnaR3c>.

и образованию этнических гетто во «внутреннем городе» («inner-city»). В Латинской Америке и других странах с периферийной экономикой богатые концентрируются именно в центре или в «закрытых кварталах», а всё остальное внешнее пространство обладает признаками гетто, где и проживает основное население. Именно этим путём и идёт Россия.

Выводы. По степени деиндустриализации весь ДФО целиком (а не его отдельные субъекты, как в других федеральных округах) в 1990—2010 гг. соответствовал качественным критериям и количественным параметрам «ржавого пояса» (за исключением того факта, что исходный уровень промышленного развития в условиях «нового освоения» был сравнительно невысоким, но имел положительную динамику более чем за 100 лет).

Главный фактор формирования «ржавого пояса» в ДФО — наложение трёх параллельных процессов: смены устаревшего технологического уклада, трансформационного кризиса от «шоковых реформ» и формирования экстрактивных институтов (дискриминационных практик изъятия ресурсов) по отношению к дальневосточникам.

Сравнительный анализ деиндустриализации в межстрановом контексте доказывает, что в государствах с позитивной региональной политикой и хорошими институтами (Европа, КНР) преодоление её экономических и социальных последствий происходит более успешно. Межрегиональное сравнение также свидетельствует, что отсутствие адекватной промышленной политики, низкое качество управления и хищнические способы ведения бизнеса не позволили российским регионам использовать потенциальные факторы развития: близость крупнейшей городской агломерации (как в ЦФО), существование научно-промышленного кластера (как в УФО), наличие природных ресурсов и выхода к морю, пограничное положение (как в ДФО).

При этом специфика ДФО заключается в том, что если экономические параметры некоторых его субъектов (Сахалинской, Магаданской областей, Якутии) значительно выше, чем в районах Европейской России, то социальные показатели в них намного хуже. ДФО характеризуют не только «убывающие города» и высокий отток населения, но и геттоизация существующих поселений по латиноамериканскому типу.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. Территориальная структура демографического потенциала российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 16—22.
2. Алов И.Н. Афроамериканские гетто: характеристика и типология // Городские исследования и практики. 2018. Т. 3. № 1. URL: <https://doi.org/10.17323/usp31201863-77> (дата обращения: 15.11.2019).
3. Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 3—106.

4. Ефремова В.А. Отечественный и зарубежный опыт изучения городов, теряющих население: тематика, методы и центры исследований // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 86—99.
5. Зайнагабдинова Э.Ч. Старопромышленные районы: процессы реструктуризации индустрии и расселения: на примере Рейнско-Рурского района ФРГ: дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2001. 152 с.
6. Зубаревич Н.Б. Развитие и неравенство: пространственный ракурс. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit06.php> (дата обращения: 15.11.2019).
7. Зуенко И. «Ржавый пояс» на границе с Россией в центре внимания. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rzhavyy-poyas-na-granitse-s-rossiey-v-tsentre-vnimaniiya/> (дата обращения: 15.11.2019).
8. Калашникова И.В., Филиппова К.В. Современное состояние и проблемы промышленного производства российского Дальнего Востока // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 32. С. 27—35.
9. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России. М.: Эксмо, 2012. 572 с.
10. Краснянский Г. Уголь России: 20 лет спустя // Российская газета. 2015. 28 сент. № 6788 (217). URL: <https://regnum.ru/news/1979893.html> (дата обращения: 15.10.2018).
11. Крушанова Л.А. Влияние реформ 1990-х гг. на динамику трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. № 22. С. 57—75.
12. Кузнецова О.В. Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 473—493.
13. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
14. Михеева Н.Н. Оценка ресурсного сектора дальневосточной экономики на основе таблиц «затраты-выпуск» // Пространственная экономика. 2006. № 1. С. 72—86.
15. Нечаев Д.Н., Селиванова Е.С. О «ржавом поясе» ЦФО: особенности промышленной деиндустриализации территорий центральной России в 2001—2017 гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 61—80.
16. Прокапало О.М. Региональная социально-экономическая динамика: Дальний Восток и Забайкалье / отв. ред. П.А. Минакир. Хабаровск: РИОТИП, 2003. 256 с.
17. Путилова Е.С. Географические особенности деиндустриализации США во второй половине XX века // Вестник Московского университета. Серия. 5. География. 2018. № 1. С. 102—108.
18. Римская Т.Г. Рыбная отрасль Дальнего Востока России в период рыночных преобразований второй половины 80-х — начала 90-х гг. XX в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2007. № 2. С. 46—64.
19. Савченко А.Е. Дальний Восток конца XX — начала XXI в. как «зеркало» системных проблем российского государства // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 8—30.
20. Смирнягин Л.В. Реиндустриализация США: географические причины и последствия для страны и мира // География мирового развития: сб. ст. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. С. 350—365.
21. Смирнягин Л.В. Структурные сдвиги в экономике США и их географические последствия // Региональные исследования. 2015. № 2 (48). С. 108—117.
22. Явлинский Г.А., Космынин А.В. Перспективы российского общества в XXI веке — окончательный «уход» или модернизация // Мир России. 2011. Т. 20. № 2. С. 3—28.
23. Яковлева Ю.К. Старопромышленные регионы: социально-экономическое развитие как объект исследования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7-2. С. 51—58.

24. Crandall R.W. The Continuing Decline of Manufacturing in the Rust Belt. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1993. 111 p.
25. High S.C. Industrial Sunset: The Making of North America's Rust Belt, 1969—1984. Toronto: University of Toronto Press, 2003. 318 p.

REFERENCES

1. Avdeev Yu.A., Sidorkina Z.I., Ushakova V.L. Territorial'naya struktura demograficheskogo potentsiala rossiyskogo Dal'nego Vostoka [The Territorial Structure of the Demographic Potential of the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2017, no. 2 (204), pp. 16—22. (In Russ.)
2. Alov I.N. Afroamerikanskii getto: kharakteristika i tipologiya [Afro-American Ghettos: Characteristics and Typology]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki*, 2018, vol. 3, no. 1. Available at: <https://doi.org/10.17323/usp31201863-77> (accessed 15.11.2019). (In Russ.)
3. Antonova N.E. Transformatsiya lesnogo kompleksa za gody rossiyskikh reform: dal'nevostochnyy srez [Transformation of Forestry Complex during the Years of Russian Reforms: The Far Eastern Section]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2017, no. 3, pp. 3—106. (In Russ.)
4. Efremova V.A. Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt izucheniya gorodov, teryayushchikh naselenie: tematika, metody i tsentry issledovaniy [Domestic and Foreign Experience in Studying Cities with Declining Population: Topics, Methods and Research Centers]. *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 3 (49), pp. 86—99. (In Russ.)
5. Zaynagabdinova E.Ch. *Staropromyshlennyye rayony: protsessy restrukturizatsii industrii i rasseleniya: na primere Reynsko-Rurskogo rayona FRG: dis. ... kand. geogr. nauk* [Old Industrial Areas: Industrial Restructuring and Resettlement Processes. A Case Study of the Rhine-Ruhr District of Germany. PhD in geogr. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2001, 152 p. (In Russ.)
6. Zubarevich N.B. *Razvitie i neravenstvo: prostranstvennyy rakurs* [Development and Inequality: Spatial Aspect]. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0631/analit06.php> (accessed 15.11.2019). (In Russ.)
7. Zuenko I. "Rzhavyy poyas" na granitse s Rossiey v tsentre vnimaniya [The "Rust Belt" on the Border with Russia Is in the Spotlight]. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rzhavyy-poyas-na-granitse-s-rossiey-v-tsentre-vnimaniya/> (accessed 15.11.2019). (In Russ.)
8. Kalashnikova I.V., Filippova K.V. Sovremennoe sostoyanie i problemy promyshlennogo proizvodstva rossiyskogo Dal'nego Vostoka [The Current State and Problems of Industrial Production in the Russian Far East]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, 2012, no. 32, pp. 27—35. (In Russ.)
9. Kara-Murza S.G. *Poteryannyi razum. Intelligentsiya na pepelishche Rossii* [Lost Mind. Intelligentsia on the Ashes of Russia]. Moscow, Eksmo Publ., 2012, 572 p. (In Russ.)
10. Krasnyanskiy G. Ugol' Rossii: 20 let spustya [Coal in Russia: 20 Years Later]. *Rossiyskaya gazeta*, 2015, September, 28, no. 6788 (217). Available at: <https://regnum.ru/news/1979893.html> (accessed 15.10.2018). (In Russ.)
11. Krushanova L.A. Vliyanie reform 1990-kh gg. na dinamiku trudovykh resursov na Dal'nem Vostoke Rossii [The Impact of the Reforms of the 1990s on the Dynamics of Labor Resources in the Russian Far East]. *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*, 2019, no. 22, pp. 57—75. (In Russ.)
12. Kuznetsova O.V. Struktura ekonomiki rossiyskikh regionov i uroven' ikh social'no-ekonomicheskogo razvitiya [The Structure of the Economy of the Russian Regions and the Level of Their Socio-Economic Development]. *Nauchnye trudy: Institut narodokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN*, 2018, vol. 16, pp. 473—493. (In Russ.)

13. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'niy Vostok* [Regional Economic Dynamics. The Russian Far East]. Khabarovsk, FEB RAS Publ., 2010, 304 p. (In Russ.)
14. Mikheeva N.N. Otsenka resursnogo sektora dal'nevostochnoy ekonomiki na osnove tablits "zatraty-vypusk" [Assessment of the Resource Sector of the Far Eastern Economy on the Basis of "Input-Output" Tables]. *Prostranstvennaya ekonomika*, 2006, no. 1, pp. 72—86. (In Russ.)
15. Nechaev D.N., Selivanova E.S. O "rzhavom poyase" CFO: osobennosti promyshlennoy deindustrializatsii territoriy central'noy Rossii v 2001—2017 gg. [The "Rust Belt" of the Central Federal District: Peculiarities of Deindustrialization of the Territories of Central Russia in 2001—2017]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2018, vol. 13, no. 2, pp. 61—80. (In Russ.)
16. Prokapalo O.M. *Regional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya dinamika: Dal'niy Vostok i Zabaykal'e* [Regional Socio-Economic Dynamics: The Far East and the Transbaikalian Region]. Executive ed. P.A. Minakir. Khabarovsk, RIOTIP Publ., 2003, 256 p. (In Russ.)
17. Putilova E.S. Geograficheskie osobennosti deindustrializatsii SShA vo vtoroy polovine XX veka [Geographic Features of the Deindustrialization of the US in the Second Half of the 20th Century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 5, Geography, 2018, no. 1, pp. 102—108. (In Russ.)
18. Rimskaya T.G. Rybnaya otrasl' Dal'nego Vostoka Rossii v period rynochnykh preobrazovaniy vtoroy poloviny 80-kh — nachala 90-kh gg. XX v. [The Fishing Industry of the Russian Far East during the Period of Market Transformations in the Second Half of the 80^s — at the Beginning of the 90^s of the 20th Century]. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2007, no. 2, pp. 46—64. (In Russ.)
19. Savchenko A.E. Dal'niy Vostok kontsa XX — nachala XXI v. kak "zerkalo" sistemnykh problem rossiyskogo gosudarstva [The Far East in the Late 20th Century — in the Early 21st Century as Reflection of Systemic Problems of the Russian State]. *Rossiya i ATR*, 2017, no. 4, pp. 8—30. (In Russ.)
20. Smirnyagin L.V. Reindustrializatsiya SShA: geograficheskie prichiny i posledstviya dlya strany i mira [The Reindustrialization of the US: Geographical Causes and Consequences for the Country and the World]. *Geografiya mirovogo razvitiya*: sb. st. [Geography of World Development: Collection of Articles]. Moscow, Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2016, pp. 350—365. (In Russ.)
21. Smirnyagin L.V. Strukturnye sdvigi v ekonomike SShA i ikh geograficheskie posledstviya [Structural Shifts in the US Economy and Their Geographic Consequences]. *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 2 (48), pp. 108—117. (In Russ.)
22. Yavlinskiy G.A., Kosmynin A.V. Perspektivy rossiyskogo obshchestva v XXI veke — okonchatel'nyy "ukhod" ili modernizatsiya [Prospects of Russian Society in the 21st Century — Final "Escape" or Modernization]. *Mir Rossii*, 2011, vol. 20, no. 2, pp. 3—28. (In Russ.)
23. Yakovleva Yu.K. Staropromyshlennyye regiony: social'no-ekonomicheskoe razvitie kak ob"ekt issledovaniya [Old Industrial Regions: Socio-Economic Development as an Object of Study]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2013, no. 7-2, pp. 51—58. (In Russ.)
24. Crandall R.W. *The Continuing Decline of Manufacturing in the Rust Belt*. Washington, D.C., Brookings Institution Publ., 1993, 111 p. (In Eng.)
25. High S.C. *Industrial Sunset: The Making of North America's Rust Belt, 1969—1984*. Toronto, University of Toronto Press Publ., 2003, 318 p. (In Eng.)

Дата поступления в редакцию 29.11.2019